

© Ракитянский Н.М.
Rakityansky N.

КАТЕГОРИИ СОЗНАНИЯ И МЕНТАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ

CATEGORIES OF CONSCIOUSNESS AND MENTALITY IN CONTEXT OF PHENOMENON OF POLITICAL POLYMENTALITY

Аннотация. В статье анализируется содержание и соотношение категорий сознания, менталитета и полиментальности в контексте политической психологии.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12-03-00354.

Annotation. In this article there are analysed the content and the correlation between the categories of consciousness, mentality and polymentality in the political psychological context.

Ключевые слова. Политическое сознание, менталитет, структура менталитета, политическая психология, догматический принцип, интеграция, дезинтеграция.

Key words. Political consciousness, mentality, structure of mentality, political psychology, dogmatic principle, integration, disintegration.

Сознание как понятие классической науки

Проблема сознания восходит к временам античности. Она является сложнейшей и глобальной проблемой в современной науке. Метафорически иллюстрируя степень этой сложности, А. Шопенгауэр в свое время назвал сознание «загвоздкой Вселенной». Сознание как одно из базовых понятий философии, психологии, социологии и политологии обозначает человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. В научном сообществе сознание рассматривается как высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, состоящая в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в мысленном построении деятельности и предвидении её результатов, в разумном регулировании и самоконтроле поведения человека.

Сознание определяется как интегрирующее свойство психики, результат общественно-исторических условий формирования личности человека в трудовой деятельности при постоянном общении с другими людьми. Каждый человек является носителем этого уникального психического качества, в основе которого лежит понимание собственного Я.

В психологической науке проблема сознания является центральной. Представляет интерес система

взглядов на феномен сознания классика отечественной психологии Л.С. Выготского (1896 – 1934). Он пишет о том, что сознание – это рефлексия субъектом действительности своей деятельности, самого себя. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы рефлексов и вызывает в них отклик. Сознание есть как бы контакт с самим собой. Элементами сознания, его «клеточками», по Выготскому, являются словесные значения.

С.Л. Рубинштейн (1889 – 1960) определял сознание человека, как отражение независимого от него объекта и отношение к нему субъекта. В психологическом плане сознание выступает реально, прежде всего, как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя.

Взгляды на проблему сознания А.Н. Леонтьева (1903 – 1979) во многом продолжают линию Л.С. Выготского. Леонтьев считает, что сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, и его действия и состояния. Сознание-образ становится также сознанием-реальностью, то есть преобразуется в модель, в которой можно мысленно действовать.

По мнению Б.Г. Ананьева (1907 – 1972), как сознание психическая деятельность есть динамическое соот-

Ракитянский Николай Митрофанович – доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. 921-83-53.

Rakityansky Nikolay – PhD of Psychology; Moscow State University of M.V. Lomonosov, tel. 921-83-53

ношение чувственных и логических знаний, их система, работающая как единое целое и определяющая каждое отдельное знание. Эта работающая система есть состояние бодрствования человека, или, другими словами, специфически человеческая характеристика бодрствования и есть сознание. Сознание как активное отражение объективной действительности есть регулирование практической деятельности человека в окружающем его мире.

Б.Ф. Ломов (1927 – 1989) в фундаментальном труде «Методологические и теоретические проблемы психологии», изданном в 1984 г., пишет о сознании как идеальной форме отражения бытия, говоря уже не столько об отражении «действительности», но об отражении бытия.

Советский и американский психолог, представитель ленинградской школы, ученик Б.Г. Ананьева и В.М. Мясищев, автор концепции фундаментальной психологической триады, Л.М. Веккер (1918 – 2001) к исходу XX века делает попытку операционализировать понятие сознания. Он отмечает, что сознание представляет собой итог интеграции когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых процессов.

А.И. Юрьев в докладе «Трансформация сознания в эпоху интернета» на Международной конференции 2001 г. «Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века» приводит 16 наиболее употребительных определений сознания человека, которые имеют скорее теоретический, нежели практический характер. Но и эти определения все вместе или порознь не дают ответа на вопрос – что есть сознание. Автор доклада приводит примеры того, как понятие сознания в конце XX века постепенно исчезало из научной и житейской практики.

Научная разработка проблемы сознания продолжалась около четырёх столетий, но и к началу XXI в. понятие сознания остаётся необъятно широким и неопределённым. Оно отражает сложный системный феномен, который представляет собой обширную совокупность весьма разнородных идеальных процессов – мыслительных, эмоциональных, волевых, мнемических, а также процессов воображения, воспоминания, интуиции.

Определение сознания в классической науке по-прежнему сталкивается с большим количеством непреодолимых трудностей, связанных с разнообразием подходов к этой теме. Общая проблема известных дефиниций сознания – это прямой или косвенный акцент на полисемантизме и психологической бескачественности понятия сознания, то есть на его неинформативности, невозможности концептуализировать феномен сознания, что обуславливает его неизречимость и непостижимость. Эту

непостижимость метафорически выразил К.Г. Юнг: «Сознание есть условие возможности бытия».

Понятие сознания в политической психологии

В политологии и политической психологии политическое сознание рассматривается также весьма неопределённо – как совокупность психического отражения политики, как ее субъективный компонент, проявляющий себя на разных уровнях, в различных ситуациях. Например, в «Политической психологии» под ред. А.А. Деркача политическое сознание субъекта политики предстает как высшая форма развития психики и характеризует его способность системно воспринимать, понимать и оценивать ту часть реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения. В «Общей и прикладной политологии» под ред. В.И. Жукова политическое сознание определяется как комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений, эмоциональных состояний субъектов политических отношений. Политическое сознание является естественным субъективным компонентом политической деятельности, политического поведения. Сферами политического сознания являются политическая наука, политическая идеология и политическая психология.

При всей многосложности проблемы сознания в настоящее время в политической психологии осуществляются попытки выработать рабочие варианты его определения. Так, в «Теории политики» под редакцией Б.А. Исаева политическое сознание – это не только научные теоретические знания, но и представления, возникшие в ходе осознания повседневной жизни и т.д.

Е.Б. Шестопап считает, что политическое сознание человека включено в сложную ткань его психической деятельности в соответствии с её законами. Политическое сознание представляет собой восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами.

А.В. Селезнева, не рассматривая сущность феномена, определяет его структуру. По ее мнению, политическое сознание личности состоит из двух слоев. Политические представления составляют верхний относительно изменчивый под воздействием текущих социально-политических трансформаций слой. Центральное ядро политического сознания составляют политические ценности, определяющие в конечном счете отношение респондентов к власти и политике.

А.И. Юрьев во «Введении в политическую психологию» раскрывая психологическую структуру поли-

тического сознания, пишет, что сознание, будучи высшим интегратором психической жизни, выполняет эту функцию благодаря тому, что все его компоненты также выполняют функцию интеграции. Так, память объединяет в себе огромные объёмы политической информации. Внимание на каждый момент времени объединяет субъекта политики с одним из объектов окружающей среды и в целом с политическим контекстом. Чувства и воля являются интегральными регуляторами политического поведения и деятельности в конкретных политических условиях. При этом память, восприятие и мышление преимущественно осуществляют функцию отражения, внимание, чувства и воля – преимущественно функцию регулирования.

В настоящее время область политологии, исследующая проблемы политического сознания, представляет собой пространство самых разнообразных, зачастую противоречащих друг другу подходов, созданных на основе предположений, аксиом, умопостроений, предпочтений и лишь изредка – фактов. Стройного здания единой теории как сознания, так и политического сознания пока нет и не предвидится. Не имея возможности по изложенным выше причинам твердо «стоять на плечах» предыдущих исследователей, как это принято, например, в физике, и что обеспечивает архитектонический рост научного знания, политологи и политические психологи продолжают возводить индивидуальные строения, не связанные друг с другом.

Вместе с тем в реальной практике исследования политического сознания представляется возможным использовать в качестве существенных для определения этого феномена различные критерии, не противопоставляя их определениям других авторов. Чем более многомерным и многосторонним будет эта совокупность определений, тем глубже будет наше проникновение в сущность различных аспектов политического сознания. Из арсенала самых разнообразных теорий и методологий, политический психолог может сам определять, существует ли вообще теория, имеющая отношение к исследуемой реальности, и если да, то какая. Он должен решить, какие аспекты этой теории будут избраны им для исследования политического сознания.

Менталитет как понятийная новация неклассической парадигмы

В начале XX в. в мировой науке формируется, а со второй половины столетия активно развивается устойчивая тенденция изучения особенностей проявления сознания различных социальных, а затем и политических

субъектов посредством понятия менталитета. Появление и широкое использование этого понятия обусловлено в первую очередь возникновением неклассических парадигм социального познания как нового направления XX века, которое отождествляется с движением от естественнонаучной ориентации к гуманитарной, от потенциализма к экзистенциализму, от количественного подхода к качественному.

Глобальные проблемы и кризисы послевоенного мира вызывали необходимость перехода от классического типа научного исследования, характерного для естественных наук, к более масштабному, многостороннему и гибкому учету специфики человека как уникального культурно-исторического и политического феномена. При этом возникла потребность в расширении интерпретативного потенциала и методологического инструментария путём использования гуманитарных или неклассических методологий познания этого феномена методологий, опирающихся на не измеряемые, но понимаемые и интерпретируемые содержания. В свою очередь это привело к модернизации и расширению концептуально-понятийного поля и научного инструментария социально-политических теорий, включению в аналитический аппарат цивилизационных, религиозных, этнических, антропологических и, наконец, политико-психологических характеристик общества.

В научном сообществе России разнообразные направления изучения феномена менталитета стали формироваться в начале 90-х годов. Отечественные исследователи также нуждались в новом понятийном инструментарии, отражающем особенности мышления, чувствования и поведения различных социальных слоев, классов, групп и личности. Их уже не удовлетворяло использование таких традиционных для советской науки категорий, как сознание, мнение, настроение и т.д. Требовалась категория, интегрирующая уникальные природные, духовные, культурные, социальные и политические качества народа и конкретного человека и одновременно акцентирующая фокус исследовательского внимания на уникальности и неповторимости этих феноменов.

Если заслуга в постановке проблемы сознания принадлежит Р. Декарту (1596 – 1650), то понятие «менталитет» в научный оборот было введено в 1910 г. французским этнологом и социантропологом Л. Леви-Брюлем (1857 – 1939). Изучением менталитета людей различных исторических периодов занимались основатели французской исторической школы «Анналов», среди них наиболее известные М. Блок (1886 – 1944) и Л. Февр (1878 – 1956).

М. Блок связывал менталитет с вопросами религии и народных верований. Л. Февр считал, что менталитет – это эволюционно и исторически сложившаяся структура, определяющая строй мыслей, чувств и поведения и формирующая систему ценностей и норм индивида или социальной группы. В их трудах менталитет (и ментальность) означает «умственное оснащение» той или иной социальной общности, которое позволяет ей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя.

В дальнейшем концепции менталитета получили развитие в стремлении научного сообщества к новому, неклассическому осмыслению феномена коллективного и индивидуального сознания и служили инструментом в познании особенностей сознания чужого.

Знакомясь с современной литературой по теориям менталитета и результатами многочисленных ментальных исследований, становится очевидным, что само понятие менталитета является ещё более аксиоматичным, многомерным, неопределённым и полисемантическим, чем понятие сознания. В этой связи интересно вспомнить, что по аналогичному поводу писал Г. Спенсер (1820 – 1903): «В основе всех правил, определяющих выбор и употребление слов, мы находим то же главное требование: сбережение внимания... Довести ум легчайшим путем до желаемого понятия есть во многих случаях единственная и во всех случаях главная цель» [1].

С одной стороны, Спенсер формулирует справедливое требование к языку научных исследований. С другой стороны – представляется очевидным, что это требование в ментальных исследованиях практически невыполнимо, так как, во-первых, по словам О. Мандельштама, любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Во-вторых, вряд ли целесообразно переносить естественнонаучные закономерности в сферу такого предмета как политическая психология, ибо в таком случае мы входим в соблазн вульгарного механистического редукционизма. В-третьих, метафорический и, следовательно, многозначный язык в изучении менталитета неизбежен.

К тому же политическим психологам необходимо учитывать и тот факт, что в науке сравнительно недавно установлены закономерности, в соответствии с которыми чем более точен язык, тем менее полно описывается явление, и наоборот, чем менее точен научный язык, тем полнее описывает предмет теория. Даже по отношению к самой точной науке – математике – эта закономерность была сформулирована в 1931 г. в теореме К. Геделя (1906 – 1978) о неполноте теоретического знания¹ и в 1927 г. применительно к квантовой физике – В. Гейзенбергом² (1901 – 1976) в теореме о соотношении неопределенности.

Первая теорема гласит, что человеческое познание невозможно формализовать полностью, вторая – что даже совокупностью точных теорий невозможно выразить целостность объекта изучения. С этими теоремами соотносится и методологический принцип дополнительности Н. Бора (1885 – 1962), сформулированный им в 1927 г. Согласно этому принципу, для воспроизведения в знаковой системе целостного явления необходимы взаимоисключающие, «дополнительные» классы понятий, совокупность которых даёт исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных. Таким образом, используя неклассические подходы, а также конвергенцию методологического потенциала различных научных направлений и школ в системном политологическом изучении феномена менталитета мы можем ожидать позитивный результат.

В заключение отметим, что менталитет признан не только «понятийной новацией гуманитарного знания», но и альтернативой понятиям классической рациональности, сам же термин получил общепризнанный междисциплинарный статус. В нашей стране в последние годы не только в научном сообществе, но и в общественной жизни он стал таким же привычным, как и другие иностранные слова «суверенитет», «муниципалитет», «комитет», «иммунитет» и пр.

Соотношение понятий сознания и менталитета

На настоящий момент выявлено два основных подхода к пониманию соотношения понятий сознания и

¹Во второй теореме о неполноте формальных систем Курт Гедель показал, что ни одна система не может доказать свою истинность, не выходя за пределы самой себя, т.е. базовый тезис, истинность которого не может доказать данная теория, данный язык, может быть доказан в рамках метатеории, метаязыка. Но эта метатеория также будет включать в свой состав ряд суждений, которые она не может доказать своими собственными средствами. Таким образом, мы, поднимаясь вверх по ступеням познания, обречены вечно пребывать в пространстве неопределенности. Любая научная теория включает в себя ряд суждений (утверждений), полученных ненаучным путем; это означает, что любое мышление на определенном уровне всегда аксиоматично (догматично), так как включает в себя набор положений, принимаемых на веру.

²Согласно этой теореме Вернера Гейзенберга невозможно равным образом точно описать два взаимозависимых объекта микромира, например координату и импульс частицы. Если мы имеем точность в одном измерении, то она будет потеряна в другом. Философский аналог этого принципа был сформулирован в трактате Людвиг Витгенштейна «О достоверности»: для того, чтобы сомневаться в чем-бы то ни было, нечто должно оставаться несомненным.

менталитета. Одна группа авторов отождествляет эти понятия. Позиция другой группы исследователей выражена И.Г. Дубовым, который пишет, что менталитет вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь его специфику. Менталитет выступает как «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и специфику реагирования на него» [2].

Многие отечественные и зарубежные исследователи также акцентируют внимание на том, что понятие «менталитет» отражает систему своеобразия, совокупность особенностей сознания и веры, образ мышления, систему образов и представлений, особый способ мироощущения и мировосприятия, установки сознания, устойчивые стереотипы, специфику психологической жизни людей. Его черты: типовое поведение, культурный и поведенческий код, психический склад, «своеобразный склад ума», матрица духовной жизни, национальные особенности народов, идентичность и т.д.

Дискутируя о феномене менталитета, исследователи, так или иначе, говорят о специфике различных этносов, народов, наций, рас, религиозных конфессий, социальных слоев, поколений, классов, элит, а также о профессиональных, региональных, политических и прочих отличиях групповых и индивидуальных субъектов деятельности. Классик отечественных ментальных исследований А.Я. Гуревич считал, что понять человека в контексте социальных отношений можно путем изучения особенности, инаковости мировидения человека.

Обобщая многочисленные точки зрения, представляется возможным сделать вывод о том, что менталитет как «психологическая оснастка» социальных и политических субъектов проявляется в особенностях мышления, верования, чувствования, волеизъявления, которые эксплицируются в понятиях, установках, представлениях, стереотипах, ценностях, идентичности и, наконец, в особенностях политического поведения. Следуя за К. Юнгом, возьмем на себя смелость продолжить его метафору: менталитет есть условие возможности бытия в его своеобразии и уникальности [3].

Структурные построения менталитета

Одним из первых психологов в нашей стране проблему менталитета стал исследовать В.Е. Семёнов. В его понимании менталитет и его структура – это исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведен-

ческом воплощении, присущее представителям той или иной социальной группы (общности) [4].

Разрабатывая тему политического менталитета, Е.Б. Шестопап выделяет в нем два блока элементов: мотивационный – потребности, ценности, установки, чувства и познавательный – знания о политике, информированность, интерес, убеждения. При этом автор справедливо подчеркивает, что разделение это во многом условно, так как в жизни оба эти блока тесно переплетаются [5].

Р.А. Лубский и Д.В. Ольшанский в свою очередь выделяют в структуре политического менталитета базовых два компонента. Первый, содержательный план представляет собой совокупность повседневных политических представлений, ценностей и чувствований определенных социальных общностей. Второй, инструментальный – это стиль мышления, психологические установки, представления, стереотипы, механизмы идентификации, т.е. собственно «психологический инструментарий», «оснастка» [6].

В.В. Можаровский в соответствии с концепцией стратегической психологии проф. А.И. Юрьева считает, что каждый тип политического менталитета как целостная система включает в себя четыре базовых психологических компонента. Это – догматически обусловленное мышление, направляемая догматом воля, связанное с догматом бессознательное и определяемая догматом вера. Эти же компоненты выражают собой неизменяемые веками и непререкаемые в своих проявлениях догматические установки [7].

По мнению А.И. Юрьева, в структурном плане «менталитет состоит из четырёх интегральных психологических феноменов, куда кроме ценностей и целей входят: смысл жизни и жизненная сила человека». Кроме того, он считает менталитет инструментальным понятием: «Людям придётся искать внутренние резервы защиты от агрессивного внешнего мира, а теория менталитета может им в этом помочь, сделав его реальным инструментом самозащиты» [8].

Задача выявления универсальной структуры политического менталитета, как и проблема определения содержания этого понятия, в настоящее время также далека от решения. Она может иметь самые различные построения, которые определяются, как правило, целями и задачами исследования.

Менталитет и догматический принцип

Принципиально важным в политической психологии является вопрос поиска и определения базовых оснований содержания менталитета. Опираясь на догма-

тический принцип А.Ф. Лосева, мы полагаем, что основанием содержания, ядром менталитета любого этноса, народа и нации является принятый ими догмат¹ как некая истина а priori. Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований больших групп людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования и поступки.

Многие поколения людей различного социального и политического статуса: правители, элитные группы, обыватели – ориентировались, и по сей день ориентируются на догматические основания жизни. «Догмат, – пишет А.Ф. Лосев, – есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры... Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве... Догмат же всегда есть научно-диалектическая система или принцип ее». И далее: «догмат ... есть утверждённость вечных истин, противостоящих всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений» [9].

В соответствии с догматическим принципом догмат, как первичная система априорного знания об основах мироздания и смысле человеческого существования становится основой менталитета, наполняет его содержание. Более того, догмат обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека.

Со времен французского Просвещения сформировалось отрицательное отношение к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». И в наше время обыденное мышление привычно воспринимает эти слова крайне негативно, как олицетворение некой архаичной, окаменелой и заскорузлой системы религиозного сознания, которая якобы состоит из сплошных ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности и её «самореализации». Одно слово – догма – зачастую вызывает иррациональную реакцию, как минимум, в форме неосторожности и раздражения. Но наше понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей

повседневной жизни.

Догматичность менталитета как имманентное его качество для большинства современных людей является практически невидимой и неразличимой как давление атмосферного столба, ибо она столетиями привычно воспринимается как истина а priori и не составляет для его носителей никакого вопроса. Именно поэтому для мышления каждого человека, находящегося внутри любого менталитета, чрезвычайно сложно определить – в чем именно состоит его догматическая обусловленность.

Догматическое мышление формирует ментальную матрицу, и она как инвариантный код объединяет различные массы людей, которые длительное время жили в пространстве преобладающего вероисповедания, словно в своеобразной гравитационной системе, недоступной для непосредственного восприятия. Ментальная матрица выступает в качестве программы многовариантного алгоритма, в русле которого этнос или народ развивается и реализует свои социокультурные, экономические и политические практики.

В.В. Можаровский определяет догмат как установки веры, которые утверждаются как всеобщие для исповедания². Они не могут быть выведены с помощью логического мышления, иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен произвольными положениями житейской или научной логики. Догматическое мышление непреложно воспроизводится в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни наций, народов и конкретных людей, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности.

Представления, ценности, идентичность, образы, установки, стереотипы, нормы, традиции и в результате этого процесса со временем становятся неотъемлемой частью не только сознания, но и других – неосознаваемых (бессознательных), то есть подсознательных и сверхсознательных, компонентов психики людей. Догматическая основа менталитета из поколения в поколение возобновляется и утверждается их носителями – субъектами менталитета – как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований [10].

В.С. Барулин делает акцент на таком свойстве менталитета как его инвариантность – вариативность. Он

¹Догма, догмат от др.-греч. *δογματιζω* – учение, мнение, общее убеждение, постановление, утверждение. Англ. *dogma*; нем. *Dogma*. Это положение или мнение, принимаемое на веру за неопровержимую истину и признаваемое бесспорным без доказательства.

²Исповедание от греч. *εχολογεῖν* – «признаю, исповедую», т.е. безусловное признание и соблюдение принципов, аксиом, постулатов, догматов и установлений, следование им в повседневной жизни. Например: «исповедовать строгие нравственные принципы», «исповедовать веру» и т.д.

определяет менталитет как духовно-стационарную основу человеческого существа, которая позволяет ему бесконечно видоизменять свое поведение, оставаясь при этом одним и тем же. При этом отметим, что ядром этой духовно-стационарной системы является не что иное, как догматическое основание того или иного менталитета.

Традиции как ментальная практика повседневной жизни также догматичны. «Традиции... обязательно догматичны, – пишет В.А. Кутырев, – получены через откровение и переживание, в опыте непосредственного общения по принципу «делай как я» (гуру, учитель, авторитет, предание), без всякого обоснования своей целесообразности. Это «почва», коллективное или личное бессознательное в чистой или сублимированной форме, из которой произрастают наши мысли и которая является органической частью живой культуры» [11].

Вся история существования и развития, задача выживания и проблема безопасности любого народа, элит, государств, их политическое устройство определяется выбором и утверждением тех или иных догматических оснований бытия.

В этой связи нельзя не отметить в европейской и, в частности во французской литературе, стремление связать менталитет с отношениями веры. Так, Г. Бутуль в монографии «Менталитет», впервые опубликованной в 1952 г. и выдержавшей подряд пять изданий, пишет: «Менталитет – это совокупность идей интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет находится между нами и миром как призма. Она, пользуясь выражением Канта, является априорной формой нашего познания» [12].

В этом определении обращает на себя внимание, прежде всего стремление автора связать понятие менталитета с верой, а не с познанием. «Следует вообще заметить, – пишет Л.Н. Пушкарев, – что почти все зарубежные ученые подчеркивают значение веры в менталитете. Вера является важнейшей составной частью менталитета и всегда изначально присутствует в человеческом сознании». В данном же определении отметим также место менталитета между миром и воспринимающим его как бы через призму субъектом. При этом автор, ссылаясь на Канта, подчеркивает априорность менталитета. Тем самым менталитет как бы становится исходным постулатом восприятия мира человеком, выражением его изначальных, доопытных принципов восприятия.

В дальнейшем в ментальных исследованиях европейских ученых все более стали подчеркивать значение менталитета в духовной жизни человека. Так, П. Динцель-

бахер – видный специалист в области средневековой мистики и истории религии, останавливаясь на источниках для изучения менталитета, полагает, что ими может быть все, созданное человеком и сохранившее дух, духовную сущность творца. Автор понимает историю менталитета как центральный аспект всемирной истории, изучающий все проявления человеческого духа [13].

Идея о связи менталитета с духовностью и верой отчетливо прослеживается еще в одном определении, данном в философском словаре «Vocabulaire technique et critique de la philosophic» (1988): «Менталитет – это совокупность умственных установок, привычек мышления, фундаментальных верований индивида» [14].

Подводя итог, следует сказать, что догматические основания менталитета формировались с момента возникновения у человечества самосознания. Догматы, догматическое мышление и менталитет любого политического субъекта неотделимы от религии и духовной культуры, в пространстве которой он развивался даже при том, что в нынешнюю эпоху секуляризма важность самой религии может стоять далеко не на первом месте в иерархии жизненных предпочтений и ценностей современных людей. Даже при снижении уровня религиозности людей, их мышление остается неизменно догматичным.

Что касается современной России, то актуализация воздействия религиозно-догматического фактора на политические процессы и институты проявляется вследствие конвергентного эффекта глобальных тенденций и российских особенностей. Россия, чей политический *modus vivendi* основывается на поликонфессиональном и, как следствие, полиментальном цивилизационном основании, болезненно реагирует на актуализацию различий в религиозной сфере: с одной стороны, рост нетерпимости, активизация экстремистских политических практик, с другой – действие глубинной исторической традиции конструктивного сосуществования различных конфессий, позволяющий пока избежать деструктивных сценариев.

Ментально-догматические основания процессов политической интеграции и дезинтеграции в Европе

Прежде чем перейти к ментально-догматическим основаниям, обратимся к тезису о том, что религия остается одной из базовых констант цивилизационной идентичности. Более того, влияние в мире религиозных конфессий с долговременной исторической традицией заметно и неуклонно возрастает. Это влияние постепенно охватывает различные стороны общественной жизни от политики и культуры до бизнеса и науки. Религия

играет особо важную общественную роль там, где у правительств не хватает сил и легитимности, прежде всего в периоды экономических и политических потрясений [15]. Так, М.М. Мчедлова пишет о том, что религия, являющаяся одной из наиболее фундаментальных констант в иерархии идентичностей, помогает сохранять устойчивость в современном мире, является ключевым вопросом современных политических практик [16]. Постоянно звучащие дискуссии и дебаты об интерпретации политического процесса сквозь призму религиозного фактора свидетельствуют как об особой актуальности и насущности данной проблемы, так и о кризисе секулярного объяснительного инструментария и политических практик.

Многие политические проблемы приобретают резонанс вследствие надления их религиозными смыслами. Религиозные интенции становятся все более востребованными в политическом пространстве. Не случайно именно эти две сферы – религия и политика, представляются смыслообразующими в современном мире, проникая в социальную ткань и структурируя политическое поведение, образ мысли и способы рефлексии

Политолог Г.В. Косов на основании проведенного исследования утверждает, что цивилизационные особенности политического процесса связаны с таким метафактором как религия. «Необходимо подчеркнуть, – пишет он, – что конфессиональная компонента вновь становится мощным инструментом самоидентификации и ставит под вопрос границы государств» [17].

Исследователь проблемы религиозного фактора в процессах политической интеграции и дезинтеграции в Европе Е.В. Жосул полагает, что «вопреки прогнозам о наступлении пострелигиозной секулярной эпохи постмодерна в мировой политике, самоизживании традиционных верований и оттеснении их на обочину общественной практики, масса примеров убеждает в том, что религия остается полноправным участником глобальных процессов.

В целом ряде этнополитических конфликтов в различных регионах мира демаркационной линией между враждующими сторонами оказываются вероисповедные различия. Борьба с международным терроризмом в средствах массовой информации и в высказываниях отдельных политиков произвольно, а чаще всего намеренно связывается с противостоянием исламской и христианской ценностной культуры и образа жизни, с экспансионистским внедрением ислама в традиционную христианско-гуманистическую структу-

ру западного мира. Религиозная проблематика приобретает все более конъюнктурный характер, ее политизация на уровне международных отношений становится привычной. Одновременно с этим межрелигиозный диалог в современном мире становится объектом внимания политических лидеров в процессе выработки решений и урегулирования конфликтов.

Все более частое выдвижение религиозных отношений на передний план политических процессов делает необходимым и актуальным их осмысление в политологическом ракурсе».

Религиозно-догматический фактор играл фундаментальную роль при зарождении и последующих трансформациях цивилизационной базы общеевропейских политических процессов. Он опосредованно проявился при формировании европейских интеграционных институтов. Конструирование европейской ментальной и впоследствии политической общности изначально было обусловлено религиозным менталитетом населения, находящимся в сфере влияния богословско-социальной активности религиозных организаций. Интегративные политические процессы в Европе начали формироваться в рамках системы ментально-догматических координат, сформированных институтами христианства, а с XVII века – и под влиянием просвещенческой гуманистической идеологии и продуцируемых ею общественных и политических моделей.

Тенденции политической интеграции и дезинтеграции во взаимоотношениях государств Западной и Центральной Европы, в силу взаимосвязей между религиозно-догматическими установками и политическим менталитетом общества, основывались на интеграционных социальных моделях религиозных организаций. Важно в этой связи заметить, что Римская католическая церковь, например, выработала традиционно-имперскую ментально-цивилизационную модель политической интеграции, протестантские общины – альтернативную федеративную модель. Данные модели, опирающиеся на догматическую платформу обеих конфессий, стали концептуальной основой процессов политического объединения государств региона.

Иудейские и исламские религиозные меньшинства Западной и Центральной Европы, вследствие своеобразия истории собственного присутствия на континенте, выработали самостоятельные, также детерминированные религиозными догматами, ментальные модели политической интеграции. Иудейские и исламские общины создали общинно-сетевые модели интеграции, которые соответствовали своим типам менталите-

та. При этом для иудейского и исламского типа интеграции в большей степени характерно осознание своего культурно-ментального отличия от окружающей среды, общинная замкнутость на почве постоянного выделения цивилизационной идентичности.

Поместные православные Церкви в соответствии со своими ментально-догматическими установками сформировали соборно-национальную модель. Однако данные модели, в отличие от католической и протестантской, не играли определяющей роли в интегративных и дезинтегративных политических процессах в Западной и Центральной Европе [18].

Итак, современное политическое поведение традиционных религиозных сообществ Западной и Центральной Европы, характер их деятельности на меж-европейском уровне, особенности их взаимодействия с институтами Европейского союза в значительной мере обусловливался всем предшествующим историческим опытом их участия в цивилизационных процессах в регионе, который в свою очередь определялся ментально-догматическими установками.

В настоящее время нельзя не учитывать и тенденции к сокращению количества практикующих верующих в странах христианской религиозной традиции, а также активное внедрение в европейское пространство пассионарных масс людей, принадлежащих к иным ментально-религиозным ареалам, что нарушает исторически сложившиеся структуры политических диспозиций.

Менталитет и политические элиты России

В рамках заявленной в названии настоящей статьи темы, нельзя не остановиться на проблеме менталитета политических элит. Постправославная и постсоветская Россия является одним из наиболее слабых геополитических образований современного мира. Её правящие элиты как минимум дважды радикально отказывались от ментально-догматических оснований своей политической субъектности.

Первый отказ от субъектности проявился в разрушении православного догматического исповедания как ментального основания русской цивилизации. Этот ментальный распад, длившийся около двух столетий, в итоге привел к деструкции тысячелетней русской госу-

дарственности и всего общества, его институтов, культуры, идентичности. Результатом была трагедия 1917 г., гражданская война и уничтожение православия как системо-образующего компонента Российского государства.

Второй отказ, но уже от догматического атеизма был осуществлен партийно-номенклатурными элитами постправославного и постсталинского¹ Советского Союза с делегированием политической субъектности лидерам протестантского Запада. Атеистические правители позднего СССР были не в состоянии предложить людям трансцендентальные и вечные ментальные основания общественного и политического развития, сформировать духовный иммунитет у советского народа против «растлевающего влияния Запада», его «идеологической диверсии» и «психологической войны» как форм ментально-догматической экспансии. К началу «перестройки» большинство населения Советского Союза было заражено мещанско-индивидуалистическими и инфантильно-потребительскими установками. Постправославная и постсоветская Россия под водительством «маньяков демократии» и идолов либерализма, не приобретя внятных догматических оснований политики, продолжает ментально деградировать. Этот процесс более четверти века идет под аккомпанемент бесплодных разговоров о поиске «национальной идеи», обретения «общечеловеческих ценностей», развитии демократии, гражданского общества и пр.

В конце XX века мир вступил в эпоху, когда правящие элиты в условиях однополярного мира одновременно становятся ещё и информационными элитами или информационно-политическими элитами. Этот симбиоз политики и информационных технологий порождает новые политические соблазны, возможности их удовлетворения и новые проблемы. Информационные технологии не только повышают эффективность, но значительно удешевляют и упрощают технологии модификации политического менталитета в широком диапазоне полиментальности. В отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей – к уже имеющемуся товару. Технологии этих модификаций, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды

¹Сталинский «Красный проект» представлял собой не столько атеизм, сколько новую религию и он осуществлялся идеологически, по крайней мере, до 1953 года. Граждане СССР строили альтернативу капиталистическому миру – «царство Божие» на Земле, но без Бога, которого пытались заменить марксизмом-ленинизмом с вечным Лениным. СССР в этом смысле был идеократическим, квазирелигиозным государством. Переход Н. Хрущева на позиции западного проекта, выразившийся в лозунге «Догнать и перегнать Америку!», дал начало процессу встраивания России в хвост либерального проекта.

– high-tech, получили название high-hume [21].

В соответствии с одним из базовых догматов (аксиом) политики, эффективнее и рентабельнее влиять не на все полиментальное общество, а на его правящую элиту, которая в ментальном плане является относительно однородной. Элиты России находятся под концентрированным воздействием политических технологий более сильных и изощрённых операторов власти. Результатом явилась радикальная модификация политической системы нашей страны в заданном внешними силами направлении.

В конце XX века правящая элита России провозгласила курс на интеграцию с западной цивилизацией. Был осуществлен радикальный политический переворот с намерением построить «новую российскую государственность» на либеральных догматах в варианте воспроизведения англо-американской ментальной матрицы.

Фактически была предана забвению идея о России как о самобытном мировом политическом, культурном и духовном центре. На смену русскому православному и советскому ментальному универсализму пришёл «российский» либеральный догматический *Ordnung*, который не предполагал для России роль политически суверенного субъектного центра в мире, а включал её в орбиту евроатлантической цивилизации в роли сырьевого придатка.

Национальная элита добровольно отказалась как от своей ментальной идентичности, так и от самостоятельной роли России в мировом пространстве, признавая тем самым полную ментально-идеологическую победу Запада. Теперь наша политическая элита – послушный и дисциплинированный рядовой в шеренге однополярного мира. И она уже не может определять свою ментальную идентичность. Её определяют другие.

Вместе с тем современные элиты, составляющие правящий класс России, уже несколько десятилетий дрейфуют в сторону неоязычества (неопаганизма), древневосточной мистики, сайентизма и прочих экзотических культов. Осознанно или неосознанно они становятся проницаемы для чуждой нашему менталитету догматики, принимая на себя роль объектов англо-американской ментально-догматической экспансии. Как следствие, они становятся и объектами рефлексивного контроля и управления в планетарной борьбе за выживание и доминирование с заведомо проигрышным результатом. Дело только во времени.

Лидеры государств Запада, вступая в должность, присягают на Библии. Это не обряд, не ритуальное, это

сакральное действие, наполненное глубоким смыслом. Это демонстрация незыблемости ценностей и интенций, берущих своё начало в протестантской или католической религиозной догматике.

Президенты России клянутся на тексте Конституции РФ, который писали консультанты, советники и прочие специалисты. При этом нетрудно догадаться, откуда они его списывали. Сам этот факт нами также воспринимается исключительно догматически, т.е. так, что он не составляет для нас никакого вопроса как некая истина а priori. Именно поэтому, для мышления каждого из нас, находящегося внутри менталитета, так трудно определить, – в чём именно состоит его догматическая обусловленность.

Догматический принцип и феномен политической полиментальности в России

Догматический принцип и неразрывно связанная с ним система фундаментальных религиозных верований и основ духовной жизни людей соотносятся с концепцией полиментальности В.Е. Семенова [19]. Так, автор, опираясь на результаты многолетних исследований, приводит следующую типологию базовых менталитетов в современной России. Это – православно-христианский, коллективистско-социалистический, индивидуалистически-капиталистический (либеральный) и криминально-мафиозный менталитет.

Помимо четырёх базовых менталитетов, в России существуют менталитеты различных конфессий и этносов. При этом автор концепции полиментальности выделяет и так называемый мозаично-конфомистский псевдоменталитет, который вполне можно считать адогматическим, то есть не имеющим каких-либо внятных догматических оснований. Будучи порождением «массовой культуры», «потребительской демократии», агрессивно внедряемый в массовое сознание масс-медиа, этот тип менталитета в своём основании может иметь, видимо, только один «догмат» в варианте формулы римской античности – «хлеба и зрелищ» как примитивный императив современного общества потребления с его установками низменного прагматизма.

Каждый из выявленных В. Семеновым типов менталитета, во-первых, имеет в своём основании те или иные истины а priori – догматы, которые субъектами менталитета приняты на веру, исповедуются и не нуждаются в каких-либо доказательствах. Во-вторых, соотносится с тем или иным типом политических представлений, ценностей установок, стереотипов, норм и традиций. В-третьих, сама концепция полиментальности

даёт реальную возможность научного структурирования и политико-психологического анализа ментально-идентичностных координат российской реальности в соответствии с методологической установкой К. Маркса – цельность в разобщённости и единство в разнообразии.

«Россияне» и политический менталитет

Концепция В.Е. Семенова, по нашему мнению, является научным ресурсом для решения сложной методологической проблемы в изучении оснований политической полиментальности. Один из аспектов этой проблемы состоит в следующем. С 1991 г. в нашей стране активно используются термины «менталитет россиян» и «российский менталитет». Эти термины, по нашему мнению, будучи такими же бессодержательными, как и само понятие «россияне», запущенное в оборот Ельциным с подачи политтехнологов, умалчивают не только о государствообразующей роли русского народа, но и о его существовании, о созидательной и интегрирующей роли русской культуры и русской духовности. Часто из уст политиков и вторящих им представителей научного сообщества мы слышим, что Россия многонациональная страна. Это действительно так, но не совсем. Большая неправда, как всегда, кроется «в мелочах». В реальности Россия асимметрично многонациональная страна, так как более 80 % ее граждан считают себя русскими. Но эта асимметричность практически всегда умалчивается, видимо, «из соображений политкорректности». Собственно говоря, термин «россияне» и был изобретён для сокрытия этой реальной «многонациональности».

Но и это ещё не всё. За термином «россияне» стоит социально-мировоззренческий и политический заказ господствующей в России либеральной элиты, которая своевольно исключает признание тождественности интересов России интересам государствообразующего русского народа. И, как следствие, нынешние «россияне» – это отражение внациональных и секулярно-сектантских установок либерального (индивидуалистически-капиталистического, по Семенову) мышления, как неадекватная реальности и циничная «политкорректность» в усреднении и обезличивании духовного богатства и глубины религии не только русского, но всех народов, населяющих Россию.

В традициях следования установкам партийных съездов, наряду со СМИ «россиян» как идеологических оппонентов русских, приняло к «научному» толкованию и часть экспертного сообщества. Но эти терминологические новообразования как торжество беспочвенно-

сти свидетельствуют о неадекватности описания исторической и современной России, субъектов менталитета и отрицания их базовых идентичностей – конфессиональной, национальной, культурной, цивилизационной, исторической и политической. Они свидетельствуют о выпадении рефлексивного аспекта из современного научного дискурса о менталитете и вполне соответствует постмодернистской тенденции пренебрежения базовой потребностью людей и народов в идентичности (need for identity).

Русскую цивилизацию и государство создавали не «граждане России», не «россияне», а именно русские. «Россиянин» как некий «общечеловек» конца XX – начала XXI века, проживающий на территории РФ – это не зрелый плод тысячелетнего национально-исторического развития, а продукт постсоветской социальной инженерии и политической пропаганды. Э. Паин осторожно назвал «российский менталитет» всего лишь метафорой [20]. Но эта «метафора», не только нелепый симулякр, символизирующий отсутствие системно-структурной методологии и иерархически упорядочивающего принципа рассмотрения феномена менталитета в России в его сложности и многообразии. «Российский менталитет» по своей сути есть идентификационный проект, направленный на модификацию русского политического менталитета в «правильном» направлении.

Этапы развития понятия менталитета

Изучая феномен менталитета, его содержание, структуру и функции, весьма важно учитывать не только политический, но и исторический контекст. Так, анализируя историю генезиса и развития понятия «менталитет», представляется возможным выделить в нем три основных этапа. Первый этап – имплицитный. Он характеризуется тем, что термин «менталитет» еще не встречается в научных трудах. Исследователи пользуются такими понятиями как «этническое сознание», «национальный характер», «душа народа», «духовный склад», «дух народа» и др.

Второй этап уже связан с активным введением понятия в научный оборот и затем его широким распространением в научном сообществе, художественной литературе, публицистике и в живом разговорном языке.

Начало третьего, нынешнего, этапа исследования феномена менталитета приходится на 90-е гг. XX в. и связано с развитием информационной революции, радикальных политических изменений и переворотов в контексте процесса глобализации.

Принципиальное значение последнего эта-

па состоит в том, что феномен менталитета стал рассматриваться заинтересованными операторами глобальной политики и ТНК не только как объект изуче-

ния, но в первую очередь как объект политического управления и политической модификации средствами информационно-психологической экспансии.

Литература

1. Спенсер Г. *Философия слога* // Спенсер Г. Собр. соч. СПб., 1886. Т. 1. – С. 77.
2. Дубов И.Г. *Феномен менталитета: психологический анализ* // *Вопросы психологии*, 1993, № 5. – С. 20-21 Там же. С. 27.
3. Ракитянский Н.М. *Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии* // *Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2011. № 6. – С. 90-103.
4. Семенов В.Е. *Российская полиментальность и её выражение в культуре* // *Социология и общество / Тезисы I всероссийского социологического конгресса*. – СПб., 2000.
5. Шестопал Е.Б. *Политическая психология: Учебник для студентов вузов / Е.Б. Шестопал*. – 3-е изд, испр. и доп. – М., 2010. – С. 276.
6. Лубский Р.А. *Политический менталитет: методологические проблемы исследования*. – Ростов-на-Дону, 2001; Ольшанский Д.В. *Основы политической психологии*. – М.: Деловая книга, 2001.
7. Можаровский В.В. *Психологический анализ религиозно-ментальных оснований политики: Автореф. дис. ... канд. психол. наук*. – СПб.: СПбУ, 2003.
8. Юрьев А.И. *Формула менталитета петербуржцев* // *Москва – Петербург. Российские столицы в исторической перспективе*. – Москва – Санкт-Петербург, 2003. – С. 39-40, 54.
9. Лосев А.Ф. *Диалектика мифа*. – М.: Академический проект, 2008. – С. 149-150, 152, 190.
10. Можаровский В.В. *Критика догматического мышления анализ религиозно-ментальных оснований политики*. – СПб.: ОВИ-30, 2002.
11. Кутырев В.А. *Культура и технология: борьба миров*. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 98.
12. Цит. по: Пушкарев Л.Н. *Что такое менталитет? Историкографические заметки* // *Отечественная история*. 1995. № 3. – С. 158-166.
13. Там же.
14. Там же.
15. Бондарев В.В. *Религия в жизни президента Обамы* // *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 2. – С. 156.
16. Мчедлова М.М. *Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: Автореф. дис. ... докт. полит. наук*. – М, 2011.
17. Косов Г.В. *Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политологического анализа*. – Ставрополь: Возрождение, 2008. – С. 31.
18. Жосул Е.В. *Религиозный фактор в процессах политической интеграции и дезинтеграции в Европе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук*. – М., 2008.
19. Семёнов В.Е. *Полиментальная специфика России и российская политика* // *Вестник политической психологии*. 2001. № 1. – С. 20-23; Семёнов В.Е. *Художественное творчество и полиментальность* // *Современные проблемы российской ментальности / Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Е.Семенов*. – СПб., 2005. – С. 40-41.
20. Паин Э. *Единый российский менталитет – это только метафора* URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/full/48159/54>
21. Делягин М. *Россия в условиях глобализации* // *Независимая газета – НГ Сценарии*. 2001. 11 апр.

Материал поступил в редакцию 8. 06. 2012 г.